

Гийом, Катрин и их дочь Элизабет мечтали начать новую жизнь. Оставив родную Францию, они отправились в Нью-Йорк. Но мечты о свободе превратились в кошмар. Малышка Элизабет осталась одна в самом сердце огромного американского города, который отнял у нее родных. Волей случая девочка попадает в богатую семью Вулворт. Там она растет как настоящая принцесса, ей дают новое имя — Лисбет и отнимают память о настоящих родителях. Однако на шестнадцатый день рождения Лисбет узнает ужасную правду о своем удочерении. Неумолимая судьба вновь лишает ее крова. Теперь Элизабет предстоит узнать свое прошлое и найти человека, разрушившего ее детство. Но самое главное — отыскать дорогу домой...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6080-1



9 786171 260801

Сирота
с Манхэттена

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ



МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Сирота
с Манхэттена



MARIE-BERNADETTE DUPUY

L'orpheline
de Manhattan

Roman

CALMANN
LÉVY

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Сирота

Іс Манхэйттена

Роман

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2020  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1(71)
Д95



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии “Lester Literary Agency”

Переведено по изданию:
Dupuy M.-B. L'orpheline de Manhattan : Roman /
Marie-Bernadette Dupuy. — Paris,
Calmann-Lévy, 2019. — 512 p.

Перевод с французского *Наталии Чистюхиной*

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

ISBN 978-617-12-6080-1
ISBN 978-2-7021-6186-9 (фр.)

© Calmann-Lévy, 2019
© DepositPhotos.com / Milla-
Fedotova, olly18, johnander-
son, обложка, 2019
© Hemigo Ltd, издание на рус-
ском языке, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформ-
ление, 2020

*Моему другу Филиппу Поре-Кюрреру...
Мой друг, помнишь ли, как однажды в Нью-Йорке,
за вкусной едой, мы с увлечением говорили об этом
огромном и таком прекрасном городе огней —
о его прошлом, его «темной» стороне и его интригах?
Мы много смеялись, обменивались мыслями
и эмоциями...*

*В память об этих незабываемых моментах
я с огромным удовольствием посвящаю тебе эту книгу.*

К читателю

Однажды летним вечером, когда с Бруклинского моста я наблюдала, как загораются мириады огней огромного города, меня вдруг осенило: а почему бы не написать роман, основанный на реальной истории, с ее накалом страстей и запутанной интригой, тем более что некоторые события произошли здесь, в Нью-Йорке? Отправной точкой станет участь, зачастую трагическая, многочисленных сирот, оказавшихся в Новом Свете в беспощадную эпоху массовой эмиграции конца XIX — начала XX века.

Позднее, прогуливаясь по утрам в Сентрал-парке, я укрепила в своем намерении. Я смотрела на скамейку — и представляла на ней маленькую спящую девочку. Потерянное дитя, на которое, кажется, обрушились все беды мира...

По возвращении во Францию я сразу же взялась за перо. Началась моя история в старинном, окруженном виноградниками замке в Шаранте, где и появилась на свет малышка Элизабет. За ее непростой судьбой, отмеченной событиями, еще долго напоминавшими о себе в необъяснимых кошмарах, от которых она, уже девушка, просыпалась в холодном поту, я и предлагаю вам проследить. Но забегать вперед не хочу: вы всё узнаете в свое время.

Надеюсь, роман вам понравится, как и наше совместное путешествие в прошлое, из Франции — в чарующий Нью-Йорк, который я так люблю и где мне так хорошо. Уникальная атмосфера Нью-Йорка и вдохновила меня на эту историю, где гремят сердечные и душевные грозы.

Желаю вам приятного чтения.

С наилучшими пожеланиями,

Marie-Germaine Dupuy

 *Разлад в семье*

Замок Гервиль, пятница, 15 октября 1886 года

— Нет, нет и нет! Я категорически против того, чтобы вы уезжали. Это чистой воды сумасшествие! — вскричал Гуго Ларош, с такой силой ударяя кулаком по столу, что зазвенели хрустальные бокалы.

На это возмущенное заявление небеса ответили громовым раскатом.

Гроза началась полчасу назад и теперь бушевала вовсю. За оконными стеклами, содрогающимися от каждого громахания, на фоне серого, свинцового оттенка неба то и дело мелькали длинные белесые зигзаги молний.

— Пусть твой муженек отправляется за три моря, если ему так хочется, но ты, Катрин, ты должна остаться во Франции, на родной земле! — продолжал хозяин дома.

— Папа, я пойду за Гийомом на край света, если потребуется, и криком ты ничего не добьешься. Решения мы не изменим.

Положив руку на свой округлившийся живот, молодая женщина улыбнулась отцу — спокойно, даже слегка иронично. Потом окинула тревожным взглядом столетние дубы. Порывистый ветер срывал с них порыжевшую листву, и она кружилась в безумном танце.

Дитя в ее чреве шевельнулось, словно эта апокалиптическая картинка нарушила и его покой.

— Не бойся, моя принцесса! Здесь с нами ничего плохого не случится, — сказала она своей шестилетней дочке, сидящей рядом.

Жером, дворецкий, положил девочке на стул подушку — чтобы ей было удобнее сидеть за общим столом. Она отвлеклась от десерта — пирога с заварным кремом и меренгой — и теперь широко открытыми от ужаса глазенками смотрела на мать.

Катрин взяла ее к себе на колени, обняла, приласкала, шепча на ушко слова утешения.

— Она уже большая! — одернула дочь Адела Ларош. — Если будешь так с ней сюсюкать, девочка вырастет мямлей.

— Элизабет боится, мам. Я знаю ее лучше, чем ты. Ей всегда страшно в грозу, да и папа повысил голос...

— У меня есть на то причины! — отрезал тот.

Гуго Ларош был невысок и худощав, с энергичным лицом. Будучи богатым землевладельцем, хозяином прекрасных виноградников, он гордился своим социальным статусом и привык распорядиться всем и вся.

— И мне было отчего разозлиться! — воскликнул он. — Я так радовался, что вы с нами сегодня ужинаете, и вдруг услышать такое! Вы только и думаете, как бы всадить мне нож в спину!

Гуго наставил обвиняющий перст на зятя.

— Гийом, вы переходите все границы, — сказал он. — Ради счастья Катрин я на все закрыл глаза, хотя и считаю ваш брак мезальянсом, но теперь чаша моего терпения переполнена! Вы увлекаете мою единственную дочь в опасную и никому не нужную авантюру. Америка, Нью-Йорк! Думаете, им своих заурядных плотников мало?

Сидящая у матери на коленях Элизабет во все глаза смотрела на деда. Он сейчас был похож на сказочного людоеда, про которого ей читали родители, или даже на дьявола — она слышала от одной старухи в деревне, что он уносит непослушных детей.

У владельца замка не было ни рогов, ни раздвоенных копыт, но девочке казалось, что вокруг его головы сероватая дымка, как если бы он плевался дымом.

— Не бойся, дедушка просто сердится, — шепнула Катрин, еще крепче прижимая к себе дочурку.

Тут уже и Гийом Дюкен заметил, что дочь перепугана, и возмутился.

— Давайте отложим этот разговор, мсье, — тем не менее спокойным тоном сказал он. — Продолжим, когда Элизабет будет в кровати. Ей ни к чему слушать, как мы ссоримся.

Тридцати трех лет от роду, член Тайного союза подмастерьев Франции, он невозмутимо смотрел на тестя.

— Поймите, вы злитесь совершенно напрасно. Ничто не помешает нам уехать. Через четыре дня мы сядем на теплоход «Шампань» в Гавре. И было бы лучше, если бы мы расстались по-доброму.

— Я согласна с Гийомом, папа, — подхватила Катрин. — Пожалуйста, пусть у нас останутся хорошие воспоминания друг о друге!

Для молодых супругов сцена, развернувшаяся в просторной столовой, не стала неожиданностью. Гуго Ларош, поджав губы, окинул любящим взглядом свою единственную дочь. Какая же она красавица! Молочно-белая кожа красиво сочетается со светлыми волосами, черты лица тонкие и гармоничные. Катрин скоро исполнится двадцать девять, и ее прекрасные зеленые глаза светятся отвагой и решимостью...

С горечью отчаяния он в тысячный раз спросил себя, как и почему так вышло, что его дочь влюбилась в Гийома — смуглого, черноволосого и сероглазого.

«Третий сын мельника! — думал он. — Я всегда мечтал о зяте, который после меня сможет управлять поместьем, а получил неотесаного мужлана!»

У него уже была наготове новая гневная тирада, когда над головами снова загрохотало, да так протяжно и раскатисто, что все замерли. Дождь пошел с удвоенной силой. Адела Ларош перекрестилась, стараясь сохранить безмятежное выражение лица.

— Ну и вечер! — посетовала она. — Не удивительно, что мы все разнервничались. И все-таки отец прав: это полнейшее

безумие. Подумай о дочке, Катрин, обо всех неприятностях долгого плавания! Качка, морская болезнь, плохое питание, теснота, неизбежные приступы тошноты! Я полагаю, вы едете третьим классом?

— На борту мы пробудем дней десять, — уточнила Катрин. — Беременность не доставляет мне ни малейших хлопот, я уже на седьмом месяце. Мне очень жаль вас расстраивать... Поэтому и новость мы вам сообщили в последний момент — чтобы избежать многодневных споров и упреков. Мы уже продали всю мебель и принадлежавший мне участок земли — чтобы заплатить за билеты.

— В Нью-Йорке нас ждут, — сообщил Гийом. — Мой друг, тоже из Союза подмастерьев, пообещал мне работу на строительстве дома на 23-й улице. Умелые плотники им нужны.

— Глупость несусветная, мой бедный Дюкен! Да у них наверняка полно своих, местных! — не сдержался Гуго Ларош.

С этими словами он воздел руки к небу. И тут же — новый раскат грома, сопровождаемый угрожающими потрескиваниями! Маленькая Элизабет решила, что это дедушка его вызвал, когда взмахнул руками. У нее появилось острое предчувствие близкой беды, но откуда она придет, девочка сказать не могла.

— Мне очень страшно, мамочка! — с трудом пролепетала она.

— Не надо бояться, милая. Как я уже говорила, тут нам ничто не угрожает, — шепотом отозвалась Катрин, с безмерной нежностью целуя ребенка в лоб.

Гийом сидел с мрачным видом. «Мой бедный Дюкен» в устах тестя прозвучало как оскорбление. Если бы можно было, они с женой и дочкой уехали бы тут же! Но дьявольскому танцу молний за мокрыми окнами все не было конца.

— Посреди океана будет еще хуже, — не преминула заметить Адела Ларош, вытирая губы уголком белоснежной столовой салфетки.

В коридоре возник мужской силуэт. Это был дворецкий, внимательно следивший за ходом вечерней трапезы.

— Можете убирать со стола, Жером, — распорядилась хозяйка дома. — Катрин, я вот что предлагаю: оставьте нам Элизабет! Девочка получит хорошее образование здесь, под кровом своих предков. И украсит своим присутствием наше не слишком жизнерадостное жилище.

Взгляд голубых глаз Элизабет скользнул по профилю бабки. Она почти не знала эту даму с орлиным носом и светлыми, собранными в строгий пучок волосами. Ужаснувшись, что ее могут оставить с ней жить, девочка повисла на шее у матери.

Обстановка огромной столовой, на которую Элизабет до сих пор не обращала внимания, вдруг показалась ей мрачной, давящей; у нее было ощущение, что она оказалась в клетке, которая вот-вот захлопнется, сделав ее своей пленницей. Испуганный взгляд ее перебежал с тяжелых двойных штор из зеленого бархата на портреты, изображавшие нахмуренных мужчин и женщин.

Потом она подняла глаза на белый потолок, украшенный гипсовыми лепными розетками в виде гроздей винограда, листьев и причудливых цветов. Что ж до темных дубовых панелей, которыми были обшиты стены, Элизабет не сомневалась: за ними прячутся многочисленные потайные дверцы, ведущие в сырые подвалы.

— Милая, ты так крепко меня обнимаешь, что мне трудно дышать, — смеясь, упрекнула дочку Катрин. — Элизабет, не бойся, ты обязательно поедешь с нами в Америку!

— Мапочка, мне тут не нравится, — прошептала девочка. — У нас или у дедушки Туана намного лучше!

Элизабет выросла в уютном и красивом доме на берегу реки Шаранта, в одной из деревень коммуны Монтиньяк¹. Ее дед по отцу, мельник Антуан Дюкен, проживал в километре от них, вверх по течению. Настоящий рай для ребенка, окруженного всеобщей любовью и свободного гулять с утра до вечера в небольшом саду у дома.

¹ С 1801 г. коммуна именуется Монтиньяк-Шаранта. (Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.)

— Не тревожься, моя принцесса, — отвечала ей на ушко Катрин. — Без тебя мы не уедем, обещаю!

— Но почему? — вспыхнул Гуго Ларош. — Адела права, вы могли бы оставить нам Элизабет! Она ни в чем не будет нуждаться. Я сделаю ее своей наследницей!

Тут пришел черед Гийому стукнуть ладонью по столу. Тесть снова задел его за живое.

— Выбросьте это из головы! — воскликнул он. — Наша дочь вырастет на американской земле, вдали от сомнительных ценностей Старого Света. Я способен позаботиться о своей семье. Не будем больше об этом, прошу вас.

Элизабет совсем успокоилась под ласковыми поглаживаниями материнской руки. Катрин же нашла момент подходящим, чтобы высказаться. С волосами, рассыпавшимися по хрупким плечам, — кудрявыми, золотистыми, мягкими как шелк — она, казалось, освещала пространство вокруг себя.

Гийом, сам того не замечая, улыбнулся жене. Он любил Катрин всей душой. Привлеченный на первых порах ее яркой красотой и изяществом танагрской статуэтки¹, он не смог устоять перед очарованием ее душевных качеств, ума и жизненной силы.

— Мама, папа, этот спор меня утомляет! Мы обязательно вам напишем, обещаю! Гийом и я, мы мечтаем уехать, так почему вы противитесь?

У стола суетился дворецкий, позвякивая серебряными приборами и хрусталем. В дымоходах завывал ветер, и, хотя в каминах столовой и расположенной по соседству большой гостиной жарко пылал огонь, трудно было отделаться от ощущения, будто вокруг замка бродит стая волков.

Лужайки в парке скрылись за густой пеленой дождя, стекавшего по черепичным крышам, а уже оттуда, бурными потоками, — вниз, по цинковым сточным трубам.

— Господи, это уже не гроза, а настоящая буря! Вы должны заночевать здесь, — сказала Адела. — Уже почти ночь.

¹ Античная терракотовая статуэтка небольшого размера и тонкой работы.

Жером, передайте Мадлен, чтобы приготовила спальню. Пусть разведет огонь в камине, простыни согреет грелкой. А мадемуазель Элизабет пусть постелет в детской.

— Слушаюсь, мадам, — отвечал слуга.

— Мама, ты решаешь за нас, — резко заметила Катрин. — У экипажа, который мы одолжили у доктора, есть откидной верх из прорезиненной ткани, так что от дождя он нас защитит. И мы планировали вернуться на ночь к мсье Дюкену... Но я бы с удовольствием переночевала тут, ведь завтра нам предстоит прощание. И, быть может, настроение у всех будет получше.

Адела обрадовалась этой отсрочке. Несколько лишних часов могут изменить многое, даже если решение, казалось бы, уже принято...

Подали дижестивы¹ — вещь необходимую после жаркого из говядины, с поджаристой корочкой, с гарниром из белых грибов и картофеля, — и за столом на время воцарился мир. Потягивая черносмородиновый ликер, Гуго Ларош думал, как ему удержать дочь и внучку. Он отказывался представить их на борту корабля, и еще меньше — на улицах Нью-Йорка.

— Гийом, зять мой, — начал он, отставляя пустой бокал, — приношу вам мои извинения. Но поставьте себя на мое место! Мы только-только сели за стол, и вдруг вы объявляете, что через четыре дня отплываете в Америку из Гавра! Есть отчего расстроиться! Это серьезное предприятие, и я бы предпочел узнать о нем заранее, чтобы мы с вами и Катрин могли все обсудить. Но сделанного не вернешь. Я позволил себе резкие высказывания в ваш адрес, прошу меня простить.

— Я охотно прощаю вас, мсье Ларош.

— Поговорим начистоту. Когда вы только поженились, я злился и вел себя с вами соответственно. Но вы должны

¹ Дижестив — так называется напиток, который подают после еды для лучшего переваривания пищи. Обычно это коньяк, бренди, виски и т. п., но в качестве дижестивов могут подаваться и ликеры, бальзамы и крепленые вина.

признать: я взял себя в руки, смирился с вашей любовью. Давайте вернемся к истокам всех проблем.

— Не понимаю, о чем вы.

— Что, если я предложу вам перспективу, возможность работать здесь, в поместье? Становитесь моим компаньоном, переезжайте в замок, благо комфортабельных комнат у нас множество. Наша дочь снова будет жить в привычной обстановке, родившийся ребенок получит все самое лучшее. Будем с вами работать вместе и делить прибыль.

Этого Катрин точно не ожидала. Отец, этот бескомпромиссный винодел, — и вдруг делает такое серьезное предложение зятю, которого презирает? Поверить невозможно!

«Гийом не сможет отказать, это было бы глупо! — внутреннее ликовала Адела, в чьих глазах снова зажглась надежда. — Они останутся, я уверена!»

— Это большая щедрость с вашей стороны, мсье, — вежливо отвечал плотник. — Но мне не по душе работа на виноградниках, и роскошная жизнь тоже. Я люблю свою работу, и Новый Свет зовет меня. Свою жизнь мы будем строить там — моя жена, дети и я, так, чтобы ни от кого не зависеть. Сожалею, но будет так.

Катрин с облегчением вздохнула. Молодой женщине показалось, будто она уже ощущает дуновение океанского ветра на своем лбу и щеках. Ее радость не укрылась от отца, однако он скрыл раздражение под вымученной улыбкой.

— Что ж, Гийом, в душе вы гордец, — проговорил Гуго, — и зачастую это залог успеха. А еще вы смелы, и глупо было бы вас в этом упрекать. Мы могли бы поладить... Но на этом закончим наш разговор!

Гийом кивнул, соглашаясь, потом подмигнул Катрин. Ничто не заставило бы их с женой, одинаково стремящихся к свободе и новым открытиям, передумать.

Элизабет пересела на свой стул и стала спокойно доедать десерт в уверенности, что родители ее любят и увезут с собой.

Вот уже две недели по вечерам она слушала их рассказы о том, как они будут долго плыть по морю. Катрин расписы-

вала, как это будет чудесно, показывала океанские пейзажи — бескрайние сине-голубые просторы и волны с шапками белой пены. В небе, над океаном, парили чайки. Таких птиц в Шаранте Элизабет видеть не приходилось.

Гийом тоже раздобыл фотографию — парохода — и объяснил дочке, что они будут жить десять дней на таком вот огромном корабле, похожем на большой-пребольшой плавающий дом.

К сожалению, тревога вернулась, стоило Мадлен, горничной Ларошей, резким движением отодвинуть стульчик Элизабет от стола. Это была крепко сложенная крестьянка двадцати восьми лет от роду, с пронзительным взглядом и грубоватыми чертами лица. Ее каштановые волосы были собраны на затылке и покрыты маленьким белым чепцом.

— Мадемуазель, мне приказано уложить вас спать, — сказала она девочке.

Катрин сделала протестующий жест, поскольку привыкла укладывать дочь сама. Но тут вмешалась Адела:

— Мадлен отлично о ней позаботится, а нам нужно поговорить наедине. Ты ведь и сама так росла, Катрин, разве ты забыла? Такие маленькие дети, как Элизабет, должны ложиться рано и быть подальше от шума и суеты.

— Почему же, помню прекрасно, — отвечала Катрин. — Летом мне приходилось томиться в постели, в то время как ты принимала гостей в парке, украшенном фонариками. Я слушала музыку и горько сокрушалась, что не могу веселиться со всеми. Зимой бывало еще хуже: одной наверху мне было страшно, особенно когда в камине завывал ветер, вот как сегодня. Знаешь, я чувствовала себя не такой одинокой в пансионате.

— Разве я виновата, что не смогла подарить тебе братьев и сестер? — посетовала мать. — Ты слишком впечатлительна. Скажи Элизабет «спокойной ночи»!

Катрин против воли подчинилась. Ничего, как только рассветет, они с мужем и дочкой уедут! И никто больше не сможет им навязывать свои нелепые правила.

— Элизабет, милая, ступай с Мадлен! Будь послушной девочкой, прочитай молитвы — и в кровать. Я перед тем, как лечь, зайду к тебе.

С этими словами она приласкала дочь, несколько раз ее поцеловала, чтобы приободрить.

— Мам, ты придешь, правда? — испуганно переспросила Элизабет.

— А я уж думал, она немая, наша кукла, — усмехнулся Гуго Ларош. — Но нет, она умеет говорить.

— Элизабет не кукла, мсье! — возмутился Гийом. — Дома, с нами, она очень говорливая и любознательная. И уже читает простые слова — притом что ее никто не учил, и мы очень этим гордимся.

Ответить виноделу помешал оглушительный грохот. Впечатление было такое, будто частично обрушилась крыша или кто-то ломится в двери и окна.

— Боже, что это было? — испугалась Адела. — Я-то думала, гроза кончилась.

— Наверняка молния, — ответил ей супруг.

Прибежал дворецкий, бледный, с выпученными от ужаса глазами, и склонился в поклоне перед своим господином:

— Мсье, мадам, на одну из башенок рухнула большая ель! Так сказал Венсан, он только что прибежал из конюшни.

— Надо же! Этому дереву две сотни лет, — с сожалением заметил Гуго Ларош, быстро вставая из-за стола. — Простите мой пессимизм, но я вижу в этом дурное предзнаменование! Нужно пойти и посмотреть, что повреждено.

— Я с вами! — воскликнул Гийом.

Адела вставать не стала. Она придвинулась к дочке и взяла ее за руку. Неумолимая Мадлен повела маленькую Элизабет через зал XII века, откуда имелся доступ к подъемному мосту. Это было просторное помещение в романском стиле, которое владельцы использовали в качестве парадного вестибюля.

Супруги Ларош не упустили возможности похвастаться перед гостями богатым историческим прошлым древней

крепости, которую жители деревни Гервиль уважительно именовали «замок».

Элизабет оглянулась, чтобы еще хотя бы раз посмотреть на мать. Она с куда большей охотой посидела бы у нее на коленях или же пошла бы с Катрин к ней в спальню. Столовая, где девочке весь вечер было так неудобно, вдруг показалась ей местом приятным и безопасным. Керосиновые лампы давали мягкий желтый свет, в котором красиво поблескивала полировкой мебель громадных размеров.

— Ну же, мадемуазель, пошевеливайтесь! — поторопила ее горничная.

Оказавшись в вестибюле, украшенном живыми растениями и зеркалами, девочка замедлила шаг. На стенах, обтянутых красным бархатом, висели охотничьи трофеи. По приезде Элизабет их просто не заметила. Зато теперь, в танцующем свете свечи, она увидела, как их много — голов с глазами из цветного стекла. В ее понимании этих зверей можно было только пожалеть, ведь они лишились части своего тела. Дикий кабан, олень, косули... Эти изящные козочки часто ходили мимо их дома к реке на водопой, и вид их расстроил Элизабет еще больше.

— Это ваш дедушка, мсье Ларош, подстрелил всю эту дичь, — уважительным тоном сообщила Мадлен. — Но на чучела пошли только самые красивые!

Пока они поднимались по бесчисленным лестницам вверх, к спальням, Элизабет совсем выбилась из сил. По дороге ее разобрала зевота. Наконец горничная ввела ее в детскую, вернее, не ввела, а втолкнула, надавив рукой на плечо. Здесь, вдали от строгих хозяйских глаз, она моментально утратила и медоточивые манеры, и покорный вид.

— Быстро ложись! — прикрикнула она на девочку. — Сколько хлопот из-за тебя, и это за один только вечер!

Камин разожгли пять минут назад, так что прогреться комната не успела, и освещала ее всего лишь одна, порядком оплавленная свеча.

— Тебе понадобится нательная рубашка! — спохватилась горничная.

— У меня есть — под платьем.

— Наконец заговорила? Ладно, пусть будет эта рубашка. Теперь снимай остальное! Я постелила два одеяла, так что не замерзнешь.

— Вы сердитесь?

Вопрос, заданный спокойным голосом, озадачил Мадлен. Она посмотрела на девочку с подозрением.

— Сержусь я или нет, с тобой мне возиться некогда. Работаю с утра до вечера, не то что некоторые... Да и Венсан заждался, мы с ним играем в карты.

— Кто это — Венсан?

— Работает на конюшне, а еще таскает в господские комнаты дрова. Не надоело меня пытаться, дотошная ты девчонка?

Почему Мадлен так с ней себя ведет, было непонятно, и Элизабет прикусила губу, чтоб не заплакать. Сердечко ее болезненно сжалось. Не обронив больше ни слова и ни слезинки, она позволила себя раздеть. Внезапно девочка вскрикнула, увидев в нескольких шагах от себя размытые силуэты женщины и ребенка, которые двигались, размахивали какими-то тряпками.

— Там! — прошептала она. — Там какие-то люди!

— Вот дуреха! — насмешливо отозвалась горничная. — Это же наши отражения. Ты что, зеркала никогда не видела? Подойди ближе!

Элизабет, конечно, знала, что такое зеркала, но то, каким пользовались родители, было круглое, размером с тарелку. Катрин звала ее посмотреть на свое отражение утром по воскресеньям, когда они собирались к мессе, и девочку это всегда забавляло.

Здесь все было по-другому: Элизабет видела себя всю, с ног до головы, в белой нательной сорочке на бретельках. Глаза казались больше, чем обычно, щеки и подбородок — более круглыми. Она посмотрела на каштановые кудряшки, убранные под розовую ленту, и наконец себя узнала.

— А ты испугалась! — фыркнула Мадлен. — Теперь быстро в кровать!

— Мне надо еще помолиться!

— Помолишься лежа! Говорю же, мне некогда.

Мадлен помогла девочке забраться под ледяные простыни, которые никто и не собирался согреть грелкой, наполненной горячими угольями, потом присела возле огня и стала энергично его раздувать при помощи каминных мехов. Взметнулось желтое, очень яркое пламя.

— Свечу я задую. Вместо ночника тебе будет огонь в камине, — заявила она. — Жаловаться не на что, немногим повезло так, как тебе. И запомни: расскажешь матери, как я с тобой говорила, — пеняй на себя! Я знаю особые наговоры для чересчур болтливых детей. Могу сделать так, что у тебя изо рта посыплются мушиные личинки, а из ушей — черви. Поняла?

— Да, — прошептала испуганная девочка, натягивая одеяло до носа.

Она ощущала неприязнь Мадлен по отношению к себе, но это почему-то перестало ее тревожить — как недавние раскаты грома и неистовство грозы. Раздраженный тон горничной, ее нервные жесты больше ее не удивляли.

В глубине своей маленькой растревоженной души Элизабет во всем винила этот мрачный замок. Разве может тут случиться что-то хорошее? Поэтому и дедушка кричит и ударяет кулаком по столу, а бабушка ни разу ее не целовала...

— Мамочка! — тихонько позвала она. — Мамочка, приди!

С порога детской Мадлен обернулась и сделала страшное лицо:

— Твоя мать занята, так что спи давай!

Дверь закрылась. Временами потрескивал и искрил огонь в камине, однако от этого комната не становилась уютнее. Элизабет со страхом уставилась на огромные белые занавеси на окнах. Скоро девочке стало казаться, что они тихонько шевелятся, и она отвела взгляд. Она стала рассматривать

лепные гипсовые украшения на потолке, по углам, но тут же подумала, что среди завитушек орнамента могли затаиться пауки...

В поисках успокоения Элизабет посмотрела на высокий платяной шкаф с треугольным фронтоном. И вдруг его створки, поблескивающие в полумраке, начали медленно открываться!

Элизабет затаила дыхание, потом громко всхлипнула.

— Мапочка! Папа! — только и смогла выговорить она.

Никто не пришел ее спасать.

Катрин прошла в маленькую гостиную, именуемую «курильной», к мужу и отцу, не подозревая, с какими ужасами пришлось столкнуться ее ребенку. Стараясь не обращать внимания на неприятный запах табака, она прижалась к мужу, чье присутствие рядом было ей необходимо как воздух. У обоих мужчин волосы были мокрыми от дождя: они только-только вернулись в дом.

— Не могу поверить! — воскликнул Гуго Ларош. — Эта большая ель была своего рода символом поместья. Подумать только, она уже росла, когда наши края, наш замок посетил Людовик XIV, «король-солнце»!

— Чему тут удивляться: дереву больше двух сотен лет, — отозвался молодой плотник. — Но оно переломилось по середине и не умрет.

— А толку? Придется срубить его совсем, чтобы не уродовать парк, — вздохнул Ларош. — Посажу на этом месте другое, да только при моей жизни оно таким высоким не вырастет.

— Папа, милый, я тебе сочувствую! Не расстраивайся так, — воскликнула Катрин.

— Единственное, что могло бы меня утешить, — это если бы вы остались. Вы и ваши дети — оба! — со значением сказал он. — Если родится сын и если бы ты, Гийом, принял мое предложение, я бы ушел с миром, зная, что мое имущество, мои виноградники в хороших руках.

Молодая женщина едва заметно улыбнулась. Оставив мужа, она подошла и погладила отца по руке.

— Папа, тебе всего пятьдесят два, и ты еще долго будешь управлять своим великолепным поместьем!

— Кто знает, доченька, кто знает... Как говорится в Евангелии, мы не знаем ни дня, ни часа, когда Господь призовет нас к себе. Что ж, я больше не стану вас уговаривать. Жребий брошен, и я чувствую, что ничто вас на французской земле не удержит.

В это самое мгновение вошла Адела. Она махнула рукой перед лицом, давая понять, что сигарный дым не доставляет ей ни малейшего удовольствия. Гуго Ларош поспешил швырнуть «орудие преступления» в камин.

— Вернемся в столовую! — предложил он. — Жером принесет шампанского, и мы поднимем бокалы за вас, за удачное путешествие.

Катрин с Гийомом посмотрели друг на друга, испытывая облегчение: желаемого они все-таки добились.

— Надеюсь, Элизабет не сидит и не ждет меня, — с тревогой проговорила молодая мать. — Насколько я ее знаю, она предпочла бы переночевать с нами.

— Святые Небеса! Брать такую взрослую девочку к себе в спальню? — возмутилась Адела.

— Один-единственный раз нам бы она не помешала, — резко возразила Катрин. — Дома, в Монтиньяке, я обустроила для нее маленькую комнату, смежную с нашей спальней. К тому же последние пару дней она очень плохо спала.

— Ничего удивительного. Предстоящая поездка ее, конечно, пугает, — высказался Гийом.

На этом обсуждение и закончилось. Гуго Ларош обнял дочь за талию и увлек в сторонку. Он испытывал непреодолимое желание прикоснуться к ней, смотреть на нее, ощущать тонкий аромат ее лавандовых духов.

— Если окажетесь в стесненных обстоятельствах, — зашептал он ей на ухо, — тебе стоит только написать, Катрин, и я обеспечу вас всем необходимым. И еще: возвращайтесь,

как только вам этого захочется! Мое предложение останется в силе, пока я живу и дышу.

— Папа, ты на самом деле такой добрый! — так же тихо отвечала молодая женщина. — Спасибо! И не волнуйся так. Нам с Гийомом не терпится оказаться в Нью-Йорке! Вчера мы даже посмеялись — можно сказать, это будет наше свадебное путешествие.

Гийом и мадам Ларош прислушивались к разговору, и последняя фраза Катрин не осталась без комментария.

— Ваше свадебное путешествие! — с горечью воскликнула Адела. — Разве это наша вина, что вы отказались ехать в Италию? Это был бы подарок с нашей стороны, но нет! Вы предпочли провести неделю на берегу Шаранты, приводя в порядок жалкий домишко, в котором собирались потом жить!

Катрин решила не отвечать, так как по голосу матери было слышно, что она чуть не плачет с досады. Она поцеловала Аделу в щеку, в то время как дворецкий, повинаясь тихому распоряжению хозяина, бросился в буфетную за шампанским. В коридоре с ним повстречалась Мадлен. Она подмигнула ему и только потом вошла в столовую.

— Мадам, мадемуазель Элизабет прочитала свои молитвы и уже спит, — объявила она, глядя Катрин в глаза.

— Спасибо, что позаботились о нашей девочке, — мягко произнесла молодая женщина. — Я боялась, что наверху, в одиночестве, ей будет страшно.

— Что вы, мадам! Я сидела возле ее кровати, пока она не уснула. Девочка так утомилась! — солгала горничная и, отвесив хозяйке пару преувеличенно почтительных поклонов, вышла.

На верхнем этаже замка, в тиши детской, Элизабет впервые в жизни испытывала такой ужас — безотчетный, инстинктивный. У нее на глазах створки платяного шкафа приотворились и снова сошлись, оставляя маленькую щель, а по-

сле еще раз и еще, через равные промежутки времени. Она забилась под одеяло, безостановочно повторяя: «Мама! Мамочка!», но уже очень скоро, как зачарованная, усталилась через деревянные лакированные перильца своей кровати на шкаф, дверцы которого продолжали таинственно покачиваться вперед-назад.

Элизабет не могла ни закричать, ни позвать на помощь — из страха, что тут же появится чудище и набросится на нее. Она просто лежала и плакала, едва дыша и зажимая рот маленьким дрожащим кулачком.

И в довершение всех бед оранжеватое пламя в камине, угасая, стало понемногу опадать. Понимая, что комнату вот-вот поглотит мрак, девочка попыталась молиться. Конечно, ей бы встать и выскочить за дверь, но смелости покинуть свое убежище Элизабет не хватило.

Она едва не задохнулась в панике, когда дверца открылась уже по-настоящему. Развешанная на плечиках одежда заколыхалась, и из недр шкафа появилась рука с расставленными пальцами.

— Ты плачешь? — проговорил едва слышный голос. — Не надо!

На этот раз Элизабет трясущейся рукой перекрестила воздух перед собой. В памяти стали всплывать страшные истории, услышанные от бабушки Туана. Старый мельник из Монтиньяка долгими вечерами у очага любил рассказывать внучке о разных страшилищах. В числе любимых персонажей была и ведьма, которая железным крюком затягивала к себе в колодец любопытных детей, стоило тем поклониться над его темными глубинами... А еще, пропуская мимо ушей укору сына, Гийома, он уверял девочку, что некоторые люди по ночам становятся оборотнями и пожирают любого, кто попадетс я им в лесу.

Странно только, что у чудовища такой ласковый голос и оно просит свою добычу не плакать... Элизабет привстала и присмотрелась к существу, как раз выбиравшемуся из шкафа наружу.

— Думаю, я тебя напугал, — прошептал мальчик, одетый в длинную белую рубаху.

— Очень сильно! — выдохнула она в ответ.

— Мне хотелось получше тебя рассмотреть, вот я и спрятался! Если тетка меня тут найдет, выпорет, поэтому не кричи.

— А кто твоя тетя? — дрожащим голосом спросила девочка.

— Да Мадлен же, горничная! Чш-ш-ш! Замри! А я пока займусь камином. Огонь гаснет!

Элизабет вздохнула с облегчением. Потерла глаза, смахнула со щек слезы. Сидя на кровати, она смотрела, как мальчик присаживается на корточки перед очагом и начинает орудовать каминными мехами, поправляет поленце. Скоро в очаге уже полыхал яркий огонь. Незванный гость быстро встал, вернулся к кровати и грустно посмотрел на Элизабет.

— Я тебя уже видел — раньше, когда вы с родителями только-только приехали в экипаже, но издали. Тетка сказала, что ты — страшная ломака, а мне показалось, ты хорошенькая. Скажи, почему ты плакала? И почему звала маму?

— Я просто очень сильно испугалась.

— Ясно. Да еще тетка сорвала на тебе зло! Она такая, по-другому не может... А правда, что тебя зовут Элизабет? Я — Жюстен, и мне восемь лет.

Дети молча смотрели друг на друга. Жюстену очень нравились и темные кудри девочки, и ее округлый подбородок, и розовые щечки, и большие светло-голубые глаза. Лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Мне совсем не хотелось тебя напугать. Простишь меня?

— Я тебя прощаю! — серьезно ответила девочка.

— Ты долго пробудешь в замке? Мне с тобой играть не позволят, но завтра вечером я могу опять прийти поболтать.

Общение со сверстником было для Элизабет в новинку. Один из братьев Гийома тоже был женат, но ни кузена, ни

кузины ей пока не подарил. Она привыкла жить среди взрослых... При мысли об отъезде сердце девочки сжалось от смутных предчувствий.

— Мы завтра утром уезжаем, — сказала она. — Сначала мы поедem на поезде, а потом по морю на большом корабле. Папа едет работать в Америку.

Ошарашенный Жюстен только покачал головой. Он еще не знал, где находится эта Америка, но название слышать доводилось.

— Кажется, это очень далеко, — с досадой проговорил он. — Если ты едешь за море, надо подарить тебе подарок. Здесь полно старых игрушек, и я прихожу сюда тайком поиграть.

Жюстен подошел к сплетенному из лозы дорожному сундуку с откинутой крышкой, стоявшему у стены, порылся в картонной коробке, что-то достал, а потом сунул это девочке в руку.

— Держи! Это оловянный солдатик, мой любимый. Он играет на барабане. Он будет защищать тебя в пути, а если опять испугаешься, скажи ему, чтобы позвал меня. Я приду и спасу тебя!

— У тебя не получится! — с улыбкой возразила Элизабет. — Но я его сохраню. И буду про тебя вспоминать.

Девочка сжала крошечную металлическую фигурку в ладошке, и ей передалось тепло руки мальчика.

— Спасибо, Жюстен. Он никогда не потеряется! Обещаю!

— Еще пообещай, что когда-нибудь вернешься, ладно?

Элизабет решила не сразу. Родителям, несмотря на ее юный возраст, удалось ей втолковать, что клятва — это серьезно. Но Жюстен, белокурый и темноглазый, показался ей таким милым, что она прошептала:

— И это тоже обещаю.

— Хорошо! Но все равно жалко, что ты завтра уедешь... А мне пора уходить. Если тетка поднимется к себе, а меня нет — бедные мои косточки!

— А где ты спишь?

— На чердаке, в теткиной комнате. Я сплю на матрасе, за ширмой. До свидания, Элизабет!

Несколько мгновений он смотрел на нее не отрываясь, потом набрал в грудь побольше воздуха, наклонился и поцеловал в щеку.

— До свидания, — сказала девочка, удивленная этим знаком нежности, который окончательно ее утешил. — А ты не хочешь побыть со мной еще чуть-чуть? Мама часто ждет, пока я усну. Можешь сделать как она?

— Ладно, пять минут у меня есть. Они наверняка играют в карты — внизу, в буфетной.

— А кто «они»?

— Моя тетка, Венсан и старый Леандр, наш садовник. Завтра, если получится, я буду смотреть, как ты уезжаешь, — из того окна в этой комнате, что справа. Ты мне помашешь на прощанье?

Девочка кивнула. Жюстен опустил на колени возле ее кровати, просунул руку через решетчатую перегородку и сжал ее ручонку.

— Ты такой милый, — с трудом выговорила Элизабет, зевая. — А где твоя мама? И папа?

— Оба умерли, я их даже не помню.

— Наверное, это очень грустно, — дрожащим голосом заметила девочка. — Зато они теперь на небесах, с ангелами и маленьким Иисусом.

— Конечно на небесах! А теперь побыстрее засыпай, иначе меня накажут.

Элизабет закрыла глаза, так и не отняв у него руки. Дрема одолела ее очень быстро, и снилось девочке что-то хорошее — об этом говорила ее счастливая улыбка.

Такой и увидела ее Катрин спустя полчаса. Жюстен не оставил в детской ни малейшего следа своего присутствия. Молодая мать погладила дочку по выпуклому лобику, по нежным как шелк волосам, поправила одеяло. Как и положено

бдительной родительнице, она поставила перед камином, отделанным розовым мрамором, специальную ширмочку для защиты от жара и только после этого на цыпочках вернулась в спальню, к мужу.

«Утром поблагодарю Мадлен, — подумала она. — Она прекрасно позаботилась о нашей маленькой принцессе!»

Гийом поджидал жену, сидя на краю огромной кровати с балдахином. Он с озадаченным видом рассматривал роскошную обстановку спальни.

— Я третий раз за пять лет ночью в замке, — обратился он к Катрин, стоило той войти. — И всякий раз мне становится не по себе, когда я думаю, что ты выросла здесь — среди всей этой прекрасной мебели, бесценных гобеленов и изящных вещиц. В нашем скромном доме в Монтиньяке тебе, по твоим же словам, нравилось, но что будет в Нью-Йорке? Своего садика ты лишишься. А ведь Элизабет так любит играть на свежем воздухе! Надеюсь, Катрин, любимая, ты не пожалеешь, что последовала за мной. Твой отец заставил меня задуматься. Что, если жизнь, которую я смогу тебе предложить там, за океаном, окажется слишком трудной, слишком тягостной?

Молодая женщина с улыбкой пожалала плечами, потом вернулась к мужу спиной.

— Чем говорить глупости, лучше помоги мне снять платье. И расшнуровать корсет, причем поскорее: он невыносимо меня сдавливает.

— Это не вредно для ребенка?

— Нет, но он сегодня сильно ворочался.

Скоро Катрин осталась в одной нательной рубашке из белого батиста. Удовлетворенно вздохнув, она помассировала живот. Гийом нашел губами ее губы, и на то время, пока длился страстный поцелуй, они растворились друг в друге.

— Пока я могу быть с тобой рядом, я счастлива, — говорила она, все еще учащенно дыша. — Наши дети освят-

ся в Америке, станут настоящими маленькими ньюйоркцами, и мы добьемся благосостояния сами, своими силами и силой нашей любви.

Растроганный Гийом поцеловал жену еще раз. «Ты — свет моей жизни», — подумал он.

Меньше чем через час Катрин внезапно проснулась и потрясла супруга за плечо.

— Гийом, ты слышал? Это кричала Элизабет, я уверена! Пойду к ней!

— Что случилось? Что ты там говоришь? — сонным голосом переспросил он.

— Говорю, что нашей девочке опять приснился кошмар. Удивляться нечему: отец кричал за столом, а еще эта гроза...

Молодая женщина уже была на ногах. Она выскочила из спальни и бросилась в детскую, откуда все еще доносились пронзительные вопли. Дочку она застала в слезах, задыхающейся, с трудом переводящей дух.

— Я с тобой, милая! Что случилось?

— Плохой сон, мамочка. Я так перепугалась! И мою куклу мы не взяли...

— Поднимайся, я заберу тебя к нам. Не стоило вообще укладывать тебя в этой комнате.

В детскую вошел Гийом. Без колебаний он подхватил малышку на руки, и она тут же обняла его за шею своими маленькими ручками.

— Не плачь, папа тебя защитит! — проговорил он. — Сейчас, моя хорошая, отнесу тебя к нам на кровать, и будешь спать с нами. Расскажи маме с папой, что тебе приснилось, и сразу станет легче.

— Я уже не помню, — с трудом выговорила Элизабет. — Шел сильный дождь, и... темнота, ничего не видно.

Гийом и Катрин уже шли по коридору, освещенному настенной газовой лампой. Молодая мать не на шутку разволновалась.

— Зря я подчинилась матери! Нужно было самой уложить малышку, и в нашей комнате, а не в холодной детской, — тихонько проговорила она.

— Из-за отъезда в ее мире все перевернулось, Катí, и в ее возрасте это нормально. Элизабет не может радоваться этому как мы, — сказал Гийом. — Но все наладится, не тревожься.

В этот момент из своей спальни в коридор вышла Адела Ларош и смерила троицу неодобрительным взглядом.

— Что это вы удумали? Отнесите Элизабет обратно в детскую! Ее вообще нужно было наказать за то, что кричала так громко.

— Наказать? Мама, что ты такое говоришь! — возмутилась Катрин. — И ты хотела, чтобы мы оставили ее с вами? Она не виновата, что ей снятся кошмары.

— Избалованные дети еще не то придумывают, чтобы привлечь внимание родителей, — суровым, наставительным тоном проговорила Адела. — Что у нее в руке? Неужели оловянный солдатик моего двоюродного деда?

Тут и Гийом увидел, что пальчики его дочери сжимают крошечную фигурку, но только пожал плечами.

— Мне его Жюстен подарил, — нашла в себе смелость объяснить Элизабет, всхлипывая.

В крепких объятиях отца она чувствовала себя в безопасности. Настолько, что добавила:

— Жюстен — хороший, не такой, как другие...

— Что это я слышу? — недоверчиво переспросила бабка. — Ты лжешь, девочка, а это очень скверная привычка. В замке никакого Жюстена нет.

— Есть! Это маленький мальчик, племянник Мадлен. Он меня утешал!

— Святые Небеса! Элизабет, ты все это придумала! — возмутилась Адела. — Я прекрасно осведомлена о родственных связях своей прислуги. Ни братьев, ни сестер у Мадлен нет, значит, не может быть и племянника. К тому же в нашем

доме вообще нет маленьких мальчиков. Ты сочиняешь, мое бедное дитя. Что ж, будем надеяться, у нас получится снова заснуть.

— Мама, тебе отдать этого оловянного солдатика? — спросила Катрин.

— Не нужно. Коллекция уже давно не полная, так что пусть твоя дочка его забирает.

Элизабет уткнулась лбом в отцовскую шею, и тот еще крепче прижал ее к себе, поцеловал в шелковистые волосы.

— Милая, врать нехорошо, — сказала Катрин. — Этот мальчик, Жюстен, тебе, наверное, приснился.

Отвечать девочке не захотелось. Она прекрасно понимала разницу между сном, кошмаром и реальным миром, когда ты бодрствуешь, а не спишь. Ну и пусть родители не верят! Лишь бы разрешили лечь с ними, и тогда уже ничего плохого не случится...

2



*Через четыре дня в Гавре, на рассвете,
вторник, 19 октября 1886 года*

Тийом помог жене выйти из вагона, после чего ссадил Элизабет, обхватив ее за талию. По железной дороге они доехали до самой пристани. Из гаврского порта в то время отплывало множество кораблей — и в Нью-Йорк, и к другим далеким берегам.

— Смотрите, мои хорошие, — море! — воскликнул он, указывая на бескрайние синие, с краплениями серого просторы, протянувшиеся до самого горизонта. — И сколько чаек в небе! А там, посмотрите, четыре мачты «Шампани», это наше судно. Наверняка дожидается прилива.

— Господи, какая красота! — восхитилась Катрин.

Літературно-художнє видання

ДЮПЮІ Марі-Бернадетт
Сирота з Мангеттену
Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *В. М. Комісарова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. Є. Шишацький*

Підписано до друку 04.11.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literatruपाа». Ум. друк. арк. 26,04. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, г. Харків, ул. Б. Хмельницького, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ДЮПЮИ Мари-Бернадетт
Сирота с Манхэтгена
Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. Е. Шишацкий*

Подписано в печать 04.11.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturpaуa». Усл. печ. л. 26,04. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Гійом, Катрін і їхня дочка Елізабет мріяли розпочати нове життя. Залишивши рідну Францію, вони вирушили до Нью-Йорка. Але мрії про свободу перетворилися на кошмар. Мала Елізабет лишилася сама в осерді велетенського американського міста, яке забрало в неї рідних. За примхою долі дівчинка потрапляє до заможної сім'ї Вулворт. Там вона зростає як справжня принцеса, їй дають нове ім'я — Лисбет і відбирають пам'ять про справжніх батьків. Однак на шістнадцятий день народження Лисбет дізнається жахливу правду про своє вродженнє. Невмолима доля позбавляє її даху над головою. Нині Елізабет належить дізнатися про своє минуле і знайти людину, що зруйнувала її дитинство. Але найголовніше — відшукати дорогу додому.

Дююи М.-Б.

Д95 Сирота с Манхэттена : роман / Мари-Бернадетт Дююи ; пер. с фр. Н. Чистюхиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 496 с.

ISBN 978-617-12-6080-1

ISBN 978-2-7021-6186-9 (фр.)

Гійом, Катрін и их дочь Элизабет мечтали начать новую жизнь. Оставив родную Францию, они отправились в Нью-Йорк. Но мечты о свободе превратились в кошмар. Малышка Элизабет осталась одна в сердце огромного американского города, который отнял у нее родных. Волею случая девочка попадает в богатую семью Вулворт. Там она растет как настоящая принцесса, ей дают новое имя — Лисбет и отнимают память о настоящих родителях. Однако на шестнадцатый день рождения Лисбет узнает ужасную правду о своем удочерении. Неумолимая судьба лишает ее крова. Теперь Элизабет предстоит узнать свое прошлое и найти человека, разрушившего ее детство. Но самое главное — отыскать дорогу домой.

УДК 821.133.1(71)